

И. Н. ЮРКИН, И. Б. ПИНК

«ПРОНИКНУТЬ В САМЫЙ СЕКРЕТ ИЗОБРЕТЕНИЯ...»

«Ежели что в государственных делах подлежать будет тайности...»

Засекречивание сведений, представляющих или, как минимум, способных представлять государственный интерес, распространено весьма широко и эпизодически прослеживается с очень давних времен. В разное время в борьбе с их несанкционированным распространением прибегали к различным средствам, но основные формы борьбы заложены также очень давно (за исключением, разумеется, форм, связанных с использованием новейших технологий). Боролись с утечками информации, перекрывали каналы ее передачи.

С конца XVII в. в России эпизодически практиковалась гласная цензура частных писем, отправлявшихся за границу. Наряду с ней осуществлялась (и, по-видимому, в более широком масштабе) негласная цензура, т. е. перлюстрация. Так, в 1697 г. она производилась «у почтового приему и отпуску», – вероятно, на дворе московского почтмейстера думного дьяка А. А. Виниуса, а также в пограничных Новгороде и Пскове. Любопытно, что сам Виниус досмотр корреспонденции не одобрял. Почта была предприятием, приносившим почтмейстеру определенные доходы, поэтому он был кровно заинтересован в расширении круга лиц, обращавшихся к его услугам, и заботился об улучшении «имиджа» почты. Однажды он дал ход жалобе иностранных купцов на то, что, задержав доставку, распечатали «суму заморских их грамоток», тем самым фактически поддержав справедливость их возмущений. Посвященное этому инциденту письмо Виниус направил в январе 1697 г. думному дьяку Посольского приказа Е. И. Украинцеву¹. Из его адресации заключаем, что проведение досмотра находилось, скорее всего, в ведении именно этого учреждения. Подобные досмотры не были специфической чертой российской жизни. Перлюстрация широко практиковалась на почтовых дворах большей части Западной Европы².

Со временем получает распространение засекречивание сведений о состоянии и разработках в области вооружений, формируется практика сокрытия изобретений от потенциального противника и его агентов внутри страны. Иногда она расширялась, иногда сужалась, но в той или иной степени, как правило, сохранялась. Один из классических ранних российских примеров – история знаменитой гаубицы, предложенной в 1753 г. графом П. И. Шуваловым, за которой закрепилось название «секретная». Произведенные в октябре этого же года испытания шести ее образцов показали весьма обнадежи-

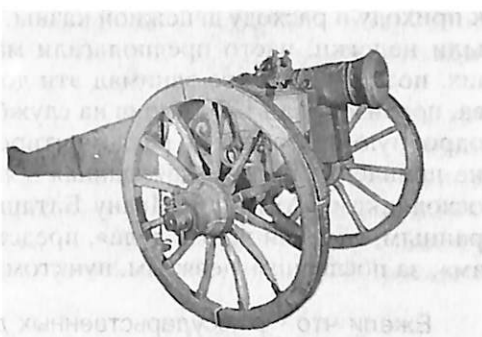
¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 141. Оп. 7. 1697. Ед. хр. 49. Л. 1, 3, 8.

² Вигилев А. Н. История отечественной почты. М., 1990. С. 113.

вающие результаты ³, в связи с чем 10 ноября Сенат приказал хранить ее «в арсенале за печатью, дабы имеющаяся в ней инвенция, кроме наружности, никому открыта быть не могла...» ⁴. За разглашение устройства гаубицы полагалась смертная казнь. Для сохранения секрета – овального канала ствола с таковым же раструбом в дуле и цилиндрической камерой – после стрельбы на дульную часть надевали чехлы, скрывавшие главную особенность конструкции: характер сечения канала ствола.

Все усилия, однако, оказались тщетными – в одном из сражений Семилетней войны (при Цорндорфе, 1758) секретные гаубицы были захвачены неприятелем. По приказанию Фридриха Великого несколько из них было выставлено на улицах Берлина, снабженные табличками с насмешливым комментарием: «Большой секрет русских» ⁵. Вскоре после Семилетней войны утратившие «секрет» гаубицы были изъяты из употребления ⁶.

В принципе средств надежной защиты секретной техники от потерь на поле боя не существовало. Но это обстоятельство отнюдь не отменяло целесообразности перекрывать каналы утечки там, где она могла произойти, в частности – в местах, где подобная техника изготавливалась. Усилия, предпринимавшиеся в этом направлении еще в XVIII в., основательностью своего подхода вызывают подчас вполне заслуженное уважение, впрочем, несвободное и от доли иронии. Приведем любопытные фрагменты не публиковавшихся ранее документов о мерах по защите секретности в 1730-е гг. в Туле. Многочисленные мастерские казенной Оружейной слободы в городе были в это время одним из основных производственных центров создания оружия для русской армии. В слободе, являвшейся по сути рассеянной мануфактурой, большую роль в организации работ играло самоуправление, в системе которого существовали так называемые расходчики, избиравшиеся в Тульскую оружейную контору (местную структуру в составе Артиллерийского ведомства)

«Секретная» гаубица П. И. Шувалова
Из собрания Военно-исторического музея
артиллерии, инженерных войск
и войск связи (г. Санкт-Петербург)

³ Бескровный Л. Г. Производство вооружения и боеприпасов на русских заводах в первой половине XVIII в. // Исторические записки. 1951. Т. 36. С. 137.

⁴ Вышенков В. П., Маковская Л. К., Сидоренко Е. Г. Каталог материальной части отечественной артиллерии. Л., 1961. С. 136–137.

⁵ См., например: Карман У. История огнестрельного оружия. С древнейших времен до XX века. М.: Центрполиграф, 2006. С. 105; Вышенков, Маковская, Сидоренко. Каталог материальной части... С. 28, 135–137.

⁶ Юркевич Е. Н. О шуваловских единорогах и грибовалевских гаубицах: замечания к книге Ю. Ю. Ненахова «Войны и кампании Фридриха Великого» // Кровь. Порох. Лавры: войны России в эпоху барокко (1700–1762). Сб. материалов Всероссийской научной конференции. Вып. 2. СПб., 2002. С. 78. Разумеется, причиной прекращения производства этих гаубиц в 1763 г. явилась не утрата секретности – во время Семилетней войны они показали себя хуже, чем единороги. См.: Бескровный Л. Г. Производство вооружения... С. 137.

«к приходу и расходу денежной казны, ружья и припасов». Выборные службы были нелегки, часто предполагали материальную ответственность служивших, поэтому тех, кто занимал эти должности, периодически, через год или два, переизбирали ⁷. Заступив на службу, они получали в Оружейной конторе подробную инструкцию, регламентировавшую их обязанности. Наше внимание привлекла инструкция, данная в январе 1731 г. на этот год «ис кузнецов расходчикам» Антипу и Ивану Баташевым. В перечне из того, что новоизбранным, «будучи у того дела», предстояло «чинить по нижеписанным пунктам», за последним, девятым, пунктом значилось:

Ежели что ⁸ в государственных делах подлежать будет тайности, онго отнюдь в портикулярных писмах никому не писать, ниже к тому от кого отправлен [кроме] настоящих реляции, а ежели какое препятствие от кого в том или ином будет его дело, то писать волно, куда кто заблагоразсудит, толко упоминая [о] врученном ему генерално, отчего оному повреждение есть; также, ежели случится дела посторонние, тайне подлежащие ⁹, а в реляциях кто от кого отправлен, писать будет за каким подозрением невозможно, то волно писать, кому в том поверить, а о врученном своем никак инак[o] ¹⁰, толко как выше писано, под жестоким наказанием по вине преступления ¹¹.

Но не только деятельность расходчиков ограничивалась подобными требованиями. Аналогичный по содержанию и очень близкий текстуально пункт был включен и в другую инструкцию, подготовленную в этом же году в Оружейной конторе и адресованную только что избранным оружейному надзирателю Никите Пушкину и приемным «от мастерств»: ствольным Семену Ефимову, Осипу Бривину, замочному Федору Таболину, приборному Василию Милованову, штыковому Кириле Кубатову, станочным Ивану Дееву и Василию Белобородову ¹². Подобные инструкции – внутренний документ Тульской оружейной канцелярии, от делопроизводства которой сохранилась лишь незначительная часть. Поэтому трудно проследить, когда в подобных инструкциях пункт «о тайности» появляется и на сколь долго закрепляется в них.

Заметим, однако, что именно в 1731 г., указом от 6 апреля, под названием Канцелярии тайных розыскных дел возрождается пятью годами ранее ликвидированная Тайная канцелярия – центральное учреждение политического сыска, занимавшееся делами по государственным преступлениям. Здесь рассматривались и дела по шпионажу в пользу иностранных государств ¹³. Эта сфера

⁷ Подробнее об этом см.: Юркин И. Н. Тульские оружейники: очерк истории // Тульские оружейники. М., 2003. С. 58–79.

⁸ В аналогичном по содержанию фрагменте, включенном в другую инструкцию, далее в скобках помечено: *подписать указ*. См.: Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 187. Оп. 1. Д. 18. Л. 11 об.

⁹ В рукописи: *подлежащим*.

¹⁰ В рукописи: *и как*.

¹¹ Там же. Л. 4–4 об.

¹² Там же. Л. 11. об. Перечисленные имена – в преамбуле инструкции на Л. 6.

¹³ Волков Л. В. Канцелярия тайных розыскных дел // Государственность России: государственные и церковные учреждения, сословные органы и органы местного самоуправления, единицы административно-территориального, церковного и ведомственного деления (конец XV века – февраль 1917 года) // Словарь-справочник. Кн. 2: Д-К. М., 1999. С. 233, 234; Мезенцев Е. В. Тайная канцелярия // Там же. Кн. 4: Р-Я. М., 2001. С. 213.

правонарушений, всегда заботившаяся государство, испытала очередной всплеск повышенного к себе внимания. Для пункта «о тайности» в инструкциях для оружейников в 1731 г. наступило самое подходящее время.

Положения, касающиеся секретности, содержались в тексте стандартной присяги, которая входила в различные должностные инструкции 1720–1730-х гг. Такую присягу встречаем в Инструкции (наказе) об описи и охранении заповедных лесов, данной 1 февраля 1723 г. в Вальдмейстерской канцелярии назначенному вальдмейстером в Тульскую провинцию майору О. В. Стрекалову. В перечне обязательств, принимаемых им на себя вместе с должностью, значилось и такое:

Когда же к службе и пользе Его величества какое тайное дело или какое б оное ни было, которое приказано мне будет тайно содержать, и то содержать в совершенной тайне и никому не объявлять, кому о том ведать не надлежит и не будет повелено объявлять ¹⁴.

Текстуально совпадающий фрагмент обнаруживаем в присяге, к которой приводили приступавших к службе «по выбору» тульских оружейников 14 лет спустя ¹⁵. Церемония проходила в городской соборной церкви; 13 января 1737 г. здесь присягали Михаил Сазыкин и с ним семь человек «выборных», приводил к присяге протопоп Михаил Никитин.

Подобного рода присяга являлась дополнительной к той *общей*, которую принимали все подданные при появлении на престоле нового государя. К ней приводились лица, приступавшие к исполнению назначаемых или выборных служб, и она в той или иной мере увязывалась с вручавшимися им инструкциями. Это ясно видно из текста: присягающие обязуются «по совести своей исправлять» «положенный и поверенный» на них «чин», который задан «как по сей генеральной, так и по особой, ...от представленных... начальников *определяемым инструкциям*, и регламентом, и указом» ¹⁶. В том, что касается секретности, в самой инструкции требования могли иметь и более детальную разработку. Так, в инструкции росходчикам 1731 г. оговариваются границы открытости служебной переписки.

Вряд ли тульские оружейники, служившие «по выбору», т. е. временно и не по своей воле занимавшиеся разными, весьма для них обременительными работами, могли нанести ощутимый урон военной мощи государства и его безопасности. Но на примере далекого от большой политики, во многом еще средневекового города, каким в 30-е гг. XVIII в. оставалась Тула, отчетливо ощущается «атмосфера» в России в аннинскую эпоху. Если таким был ответ (см. цитированные документы), каким был вызов?

Впрочем, в царствование императрицы Елизаветы Петровны, когда по ее указу (1742 г.) в России появились специальные работники службы контрразведки – тайные агенты, призванные осуществлять перлюстрацию писем, наблюдать за приезжими иностранцами и проч. ¹⁷, – едва ли к секретности в оружейном производстве стали относиться менее серьезно.

¹⁴ ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 601.

¹⁵ С той лишь разницей, что местоимение «мне», учитывая коллективный характер субъекта, заменено на «нам» (ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 28. Л. 21).

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Филюшкин А. И.* Войны Российской империи и борьба с государственной изменой и иностранным шпионажем в первой половине XVIII в. // *Кровь. Порох. Лавры...* С. 72.

Сведения из истории оружейной Тулы в контексте статьи представляются уместными еще и потому, что именно здесь изготавливалась львиная доля российского стрелкового оружия. Вопросам секретности при разработке и освоении производства оружия в XIX – начале XX вв. посвящена основная часть работы. Впрочем, речь пойдет не столько о том, как Россия хранила свои секреты, сколько о ее попытках проникнуть в чужие. То и другое – сюжеты из истории международных научно-технических связей, тесно между собой переплетающиеся и друг друга дополняющие.

Изобретатель в тисках секретности

В Российской империи XIX в. заинтересованные лица, в общем, имели достаточно широкие возможности для открытого знакомства с новыми разработками созданного за рубежом стрелкового оружия. В Россию образцы привозили изобретатели и устроители международных выставок, приобретали за границей военные агенты. Но это касалось не всех государств и не всех типов оружия – некоторые пытались сохранить в тайне.

В XIX в. засекречивание новых образцов вооружения особенно широко практиковалось германским военным руководством. Пруссия попыталась удержать распространение информации, например об игольчатых винтовках образца 1841 г.¹⁸ По свидетельству подполковника О. К. Рамстета, секрет изготовления патронов и капсюлей к ним «по прусской системе» составлял государственную тайну, известную только трем лицам: изобретателю Дрейзе, королю и наследному принцу. Исследование самих капсюлей не позволяло проникнуть в секрет изобретения¹⁹. Засекречена была и конструкция модернизированной казнозарядной винтовки системы Маузера образца 1871 г.²⁰ Инструкция по немецкому револьверу образца 1879 г., опубликованная в Берлине в 1880 г., не содержала ни чертежей, ни достаточно подробных описаний, чтобы составить представление о его конструкции и тактико-технических данных²¹. Совершенные на территории Германии действия с целью добыть подобные секреты расценивались как шпионаж и карались пожизненным тюремным заключением²².

В конце XIX в. для сохранения в тайне конструкции образцов стрелкового оружия и боеприпасов к ним в ряде государств прибегали к такой мере, как размещение производства отдельных деталей на нескольких частных предприятиях, которым не сообщали, для чего предназначались заказанные им части. Особенное распространение этот прием получил в той же Германии²³.

¹⁸ Воробьев С. Практические заметки о новом ручном оружии европейских армий // Оружейный сборник. 1862. Отд. 1. № 3. С. 41.

¹⁹ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВиВС). Ф. 4. Оп. 46. Д. 359. Л. 2, 3.

²⁰ Чебышев В. Л. Тайна нового прусского оружия мало помалу разоблачается // Оружейный сборник. 1874. Отд. 1. № 1. С. 49–59.

²¹ Фон дер Ховен А. И. Инструкция о револьвере образца 1879 г. и патронах к нему. Берлин. 1880 // Оружейный сборник. 1881. Отд. 2. № 2. Библиография. С. 147.

²² Федоров В. Г. Оружейное дело на грани двух эпох. Ч. 1: Оружейное дело в начале XX столетия. Л., 1938. С. 183.

²³ Архив внешней политики Российской империи. Ф. Политархив. 1899 г. Оп. 482. Д. 4739. Л. 17–17об.

В стремлении засекретить новейшие образцы своего вооружения Германия была, разумеется, не одинока. Аналогичные попытки предпринимались и в других государствах, в частности во Франции. Накануне австро-итало-французской войны 1859 г. французы хранили в тайне результаты испытаний и информацию о постановке на вооружение нарезных орудий²⁴, и русские офицеры, находившиеся тогда (и позже, уже во время войны) во Франции, были лишены возможности детально ознакомиться с этим оружием. Командированный за границу (с 1858 по 1860) российский специалист В. Л. Чебышев тот факт, что «французы держали все в страшном секрете от всех вообще, а от русских в особенности», впоследствии вполне резонно объяснял тем обстоятельством, что «тогда положение России в отношении воюющих сторон не было еще разъяснено»²⁵. Отчасти и вследствие этого воюющие государства оказались охвачены шпиономанией. Доходило до анекдотов, в одном из которых действующим лицом оказался русский офицер. Задержанный по подозрению в шпионаже в пользу Австрии, он предъявил свой паспорт, который только усилил подозрения: российский герб на документе (двуглавый орел) при проверке показался похожим на австрийский. К тому же часть текста паспорта была написана на немецком языке, а по-русски никто из проводивших задержание читать не умел²⁶.

В конце 60-х гг. XIX в., в преддверии франко-прусской войны 1870–1871 гг., испытания усовершенствованной картечницы системы Монсо проводились в форте Медан также в обстановке строжайшей тайны. На испытания были допущены только особо доверенные лица, сама картечница была закрыта полотном. Картечницы изготовляли в различных мастерских, поэтому мастера, делавшие стволы, не знали устройства замков, и наоборот. Мастерская, где происходила сборка, запиралась на замок, а ключ отвозили императору в Тюильри²⁷. Засекречена французами была и винтовка системы Шасспо образца 1866 г.²⁸

Симметричные меры предпринимались и в России. По действовавшему в империи «Уложению о наказаниях» за продажу или предложение за границу привилегии на изобретения, признанные военной тайной, а также за публикацию или сообщение (без разрешения) постороннему лицу секретных сведений полагалось до 8 лет каторжных работ²⁹.

В ряде случаев с изобретателей брали расписки, ограничивавшие их права в части передачи изобретения. Так, упомянутый выше подполковник О. К. Рамстет предложил изобретение, предохранявшее капсуль от сырости и влияния воздуха. Его секрет, который 18 августа 1866 г. Рамстет сообщил секретарю Оружейной комиссии поручику К. И. Гунниусу, товарищ генерал-фельдцейхмейстера приказал «хранить в тайне»³⁰. Согласно секретному

²⁴ Чебышев В. Л. Главнейшие вопросы по оружейной части. Обзор современного их положения и развития за последние 10–12 лет // Оружейный сборник. 1882. Отд. 1. № 3. С. 41.

²⁵ Чебышев В. Л. Содержание оружия во французских войсках // Оружейный сборник. 1862. Отд. 2. № 3. С. 3–4.

²⁶ Там же. С. 3–4.

²⁷ Вопрос о скорострельных пушках, обсужденный на двух беседах под председательством артиллерии генерал-майора Н. Ф. Эгерштрома // Военная библиотека. СПб., 1873. Т. 14. Отд. 2. С. 44.

²⁸ Чебышев. Главнейшие вопросы... С. 42.

²⁹ Пиленко А. А. Привилегии на изобретения. Пг., 1916. С. 87.

³⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 46. Д. 392. Л. 3–5 об., 11.

соглашению, заключенному между изобретателем и состоявшим при Министерстве внутренних дел полковником А. Д. Пономаревым, Рамстет должен был предоставить расписку в том, что не имеет права сообщать о данных изобретениях «никому, как в России, так и за границей, под опасением законной ответственности перед правительством»³¹.

Не упускала из внимания вопросы секретности и высшая власть в государстве. После доклада военного министра о планировавшемся участии русского военного ведомства во Всемирной выставке (1900 г.) в Париже император Николай II 23 января 1899 г., одобрив эти предложения, повелел, «чтобы при этом наши военно-технические секреты были охранены»³². И их охраняли.

Следует заметить, что действия с целью сохранения тайны изобретений предпринимались не только в военной сфере, но и в промышленности, не связанной непосредственно с производством боевых средств. Интересы военных ведомств за этим не стояли. Засекречивание служило формой защиты прав изобретателя при отсутствии патента на изобретение³³.

Тайное становится явным

Весьма значительные усилия, направленные на обеспечение секретности стрелкового оружия, иногда оказывались малоэффективными, а нередко и безрезультатными. К неприятелю подчас попадали не только сведения о секретных новинках, но и сами тщательно оберегаемые образцы. Познакомилась Европа и с прусской игольчатой винтовкой образца 1841 г.³⁴ Во Франции она была известна, по крайней мере, с 1848 г.: уже на следующий день после штурма берлинского арсенала две «затерянные» винтовки находились на пути через Брюссель в Париж³⁵.

Довольно успешно подобную информацию собирала и Россия. В 1849 г. после переговоров с полковником Бенкендорфом, состоявшим при российской дипломатической миссии в Берлине, в Петербург прибыл оружейный мастер Фирстер³⁶. Он согласился изготовить на Сестрорецком оружейном заводе 24 винтовки прусской игольчатой системы. За «открытие секрета» ее производства Николай I повелел выплатить Фирстеру 5000 руб. серебром³⁷.

Посетивший Париж полковник Д. Н. Леонтьев по поводу секретной французской картечницы заметил, что с этими митральезами (название картечниц во Франции) были отлично знакомы те, кому не следовало знать об их устройстве, в то время как французские артиллеристы ничего про новое оружие как раз и не знали. Успешно изучали французские картечницы и прусские

³¹ Там же. Л. 2.

³² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.504. Оп. 2. Д. 928. Л. 140.

³³ Пиленко А. А. Право изобретателя. М., 2001. С. 50.

³⁴ Воробьев. Практические заметки о новом ручном оружии... С. 41.

³⁵ Гаусман. Рецензия на монографию Ф. Гентша «История развития и устройства всех систем с казны заряжаемых ружей в европейских государствах и в Северной Америке» // Оружейный сборник. 1876. № 3. Библиография. С. 110.

³⁶ В документах его также именуют Ферстером.

³⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 14. Оп. 42. д. 237. Л. 35.

офицеры, жившие в Париже якобы для совершенствования языка ³⁸. В Германии до начала войны 1870–1871 гг. настолько хорошо знали устройство и результаты опытов с ними, что смогли издать (в Берлине) подробные их описания и опытные данные: с таблицами стрельбы, описанием встречающихся задержек, указанием способа их устранения. Тогда же был переведен на немецкий язык французский устав для службы при картечницах. Впрочем, раскрыть секрет этого оружия помогло немцам то обстоятельство, что французская картечница не являлась системой принципиально нового типа, а представляла модернизированную модель картечницы Монсо. Устройство последней, во многом сходное с конструкцией бельгийской картечницы Монтиньи, было известно ³⁹.

Засекречивание далеко не всегда оказывалось эффективным и в России. Известны курьезные, почти анекдотические случаи. В справочнике «Весь Петербург» за 1895 г. оказался опубликован полный список сотрудников секретной научно-технической лаборатории Морского министерства, занимавшейся разработкой бездымных порохов, естественно (для данного типа издания), с указанием их домашних адресов ⁴⁰.

Стимулом для распространения секретной информации, в том числе касающейся новинок стрелкового оружия, во многих случаях служило ожидавшееся информаторами денежное вознаграждение. По относящемуся к 1907 г. утверждению младшего артиллерийского приемщика при Главном артиллерийском управлении (ГАУ) полковника С. Е. Бордельфон-Борделиуса, в Брюсселе даже существовал «хорошо известный» заинтересованным лицам рынок, где якобы можно было купить «любой секрет любого государства» ⁴¹. В 1906 г. ротмистр австро-венгерской армии барон фон Одколек предложил полковнику Н. В. Шульге во время посещения завода фирмы «Шкода» предоставить российскому военному ведомству два пулемета своей конструкции с внесенными в нее изменениями, «которые он не имел права оглашать», разумеется, при условии выплаты за это денежного вознаграждения. Происходило это в период, когда крупная партия (500 штук) таких модернизированных пулеметов системы Одколека изготавливалась на этом заводе по заказу правительства Австро-Венгрии ⁴².

Важно отметить, что даже предельное ухудшение отношений между странами (вплоть до перехода в состояние войны) не являлось непреодолимым препятствием для распространения секретной информации. По сведениям источника тех лет, во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. немцы ежедневно получали свежие французские газеты, предварительно положив в условленное место луйдор – вместо него через некоторое время появлялся номер газеты. Во время процесса по делу французского маршала Базена выяснилось, что он ежедневно получал любые нужные ему немецкие газеты, кото-

³⁸ Вопрос о скорострельных пушках ... С. 44.

³⁹ Федоров С. И. Исследование о пулеметах. Люблин, 1907. С. 111–112.

⁴⁰ Дмитриев И. С. «Особая миссия» Менделеева: факты и аргументы // ВИЕТ. 1996. № 3. С. 138.

⁴¹ Ильина Т. Н. Военный агент и вооружение // Повелители огня. Сб. статей и материалов, посвященный 135-летию ГРАУ / Под ред. Н. И. Караулова. М., СПб., 1997. С. 227–228.

⁴² Пулеметы Одколека и Скода // Вестник офицерской стрелковой школы. 1907. № 7–8. С. 236–238.

рые приносили с аванпостов, — очевидно, способ был аналогичен тому, каким пруссаки получали французскую прессу ⁴³.

Другой способ получения секретной информации — это уже упоминавшийся захват трофеев в ходе боевых операций. В дни обороны Севастополя (1854) в ходе одной вылазки у захваченного в плен француза обнаружили секретные пули, изобретенные французским капитаном Несслером ⁴⁴. Во время наступления в Шампани в 1915 г. французские войска захватили поврежденный экземпляр немецкой автоматической винтовки, обнаруженный в сбитом аэроплане. Одна из главных ее деталей — ползун, составлявший основной секрет конструкции, — отсутствовала. Видимо, летчик выбросил ее во время катастрофы. Тем не менее В. Г. Федоров, которому удалось осмотреть трофей во время посещения Парижа, определил, что захваченный экземпляр представляет собой автоматическую винтовку системы Маузера образца 1913 г. С ней российский конструктор имел возможность познакомиться в 1914 г. ⁴⁵

Нелегкая служба военных агентов

В добывании секретных сведений подчас заметную роль играли так называемые военные агенты — представители военных министерств разных государств, собиравшие за границей открытую информацию оборонного характера и выступавшие неким звеном, через которое соответствующие ведомства различных государств осуществляли рабочие контакты. Не все из них выполняли секретные поручения, но те, кто выполнял, — действовали успешно.

Военные агенты имели дипломатический статус, однако, как и другие представители дипломатического корпуса, при обвинении в незаконной деятельности должны были покинуть страну аккредитации или могли быть высланы насильственно ⁴⁶. Такие случаи известны. Профессиональный разведчик Генерального штаба полковник А. А. Михельсон, занимавший должность военного агента в Германии, в 1910 г. покинул Берлин по причине «уличения» в соучастии в деле, квалифицированном как государственная измена ⁴⁷. В том же году российский военный агент в Вене полковник М. К. Марченко, создавший там секретную разведывательную сеть, вынужден был срочно оставить столицу по «рекомендации» австро-венгерского правительства «без возвращения его в Вену» ⁴⁸. В 1913 г. выехал из страны и сменивший Марченко на его посту полковник М. И. Занкевич — по той же причине, что и его предшественник ⁴⁹. Несколько раньше, в июне 1912 г., по подозрению в военно-промышленном шпионаже в Берлине был арестован делопроизводитель артиллерийского комитета ГАУ гвардии капитан М. М. Костевич, направленный в командировку в Германию, Австро-Венгрию, Францию, Бельгию и Великобрита-

⁴³ Чебышев. Тайна нового прусского оружия... С. 49–50.

⁴⁴ Федоров В. Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. СПб., 1911. С. 61–63.

⁴⁵ Федоров. Оружейное дело... Ч. 1. С. 187–188.

⁴⁶ Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. СПб., 1905. Т. 2. С. 14, 64.

⁴⁷ Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 2. М.: Издательский дом «Русская разведка»; ИИА «Евразия +», 1998. С. 118.

⁴⁸ Ронге М. Разведка и контрразведка. М., 1939. С. 29.

⁴⁹ Алексеев. Военная разведка России... Кн. 2. С. 116–117.

танию для ознакомления с новейшими усовершенствованиями в конструкции дистанционных снарядных трубок, ракет и осветительных снарядов⁵⁰.

Опасаясь подобных санкций, некоторые военные агенты категорически отказывались от секретных поручений, полагая, что их выполнение несовместимо с официальным положением агента. Участие в такой деятельности делало его легко уязвимым: обвинение в получении секретных сведений – один из самых легких способов дискредитации официального лица⁵¹. По их мнению, получение закрытой информации следовало возлагать на особых тайных агентов. Военный агент А. А. Игнатъев впоследствии следующим образом характеризовал свое отношение к участию в тайных операциях: «Я не отказывался использовать свое пребывание за границей для наиболее полного осведомления своей армии, но перед отправлением к своему посту поставил условием работать негласным путем только в отношении тех стран, где я был официально не аккредитован»⁵². Сходную позицию занимали и некоторые служащие военного ведомства. Так, приемщик при ГАУ полковник С. Е. Бордельфон-Борделиус в 1907 г. заявил, что «роль технического агента не шпионить, а держать наше Министерство в постоянном контакте с теми центрами, где работают специалисты-техники на пользу военного дела»⁵³. Любопытно, что он отмечает необходимость работы военных агентов в тесном контакте с высоко квалифицированными специалистами: «Без офицеров-артиллеристов с академическим образованием военным агентам придется доверять только людям, продающим секреты, а это опасно, так как они могут продать и нас самих»⁵⁴.

Тем не менее некоторые военные агенты принимали довольно активное участие в проведении тайных операций с целью получения секретной информации. Так, военному агенту в Париже П. П. Альбединскому в 1856 г. было поручено добыть сведения об испытаниях новых французских ружей и пуль, а также по возможности «осторожно получить эти предметы секретным образом». В полученной им инструкции (из Военного министерства) для содействия в проведении операции ему разрешалось обратиться к прусскому военному агенту в Париже майору Трескау, ранее уже предоставлявшему услуги русской разведке. С помощью Трескау и одного из французских офицеров, имевшего доступ к секретной информации, Альбединский сумел получить и отправить в Россию подробные сведения об испытаниях ружей и пуль, проведенных в стрелковой школе в Венсенне⁵⁵.

Некоторые военные агенты ради получения секретной информации по собственной инициативе или заданию предпринимали подчас весьма рискованные акции. Учитывая в целом законопослушное их поведение за границей, можно предположить, что подобные факты коренились в индивидуальных

⁵⁰ Подробнее см.: *Алпеев О. Е.* Научно-техническая разведка Военного министерства Российской империи в 1905–1914 гг.: «дело» капитана М. М. Костевича // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция, 2005 г. М., 2005. С. 26–34.

⁵¹ *Федоров.* Оружейное дело... Ч. 1. С. 182; *Сергеев Е. Ю., Улуян А. А.* Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах 1900–1914 гг. (информация, анализ, прогноз). М., 1999. С. 37.

⁵² *Игнатъев А. А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1988. С. 309.

⁵³ Цит. по: *Ильина.* Военный агент и вооружение... С. 228.

⁵⁴ Там же. С. 227.

⁵⁵ *Алексеев.* Военная разведка России... Кн. 1. С. 57–58.

особенностях характера конкретных лиц (как в упоминаемом ниже эпизоде с полковником Н. П. Игнатьевым). Впрочем, не исключено, что многие секретные операции по понятным причинам до сих пор остаются неизвестными и действительное участие в них военных агентов было более значительным, чем позволяет судить доступная информация.

Один из наиболее эффектных эпизодов такого рода был связан с поездкой в Лондон в 1856 г. полковника Н. П. Игнатьева, направленного в английскую столицу с личным поручением императора Александра II, «изучать все новейшие достижения артиллерийского и инженерного дела в Англии и установить возможности их применения в России». Пользуясь дипломатической неприкосновенностью, Игнатьев похитил в Британском музее прямо на глазах у музейного зрителя строго засекреченный образец новейшего патрона, выставленный там на всеобщее обозрение. Возможно, отважный авантюрист вспомнил прежнюю службу в гусарском полку и свою «гусарскую лихость и отвагу»⁵⁶.

Нормативные документы (инструкции), регламентировавшие круг обязанностей военных агентов, в трактовке вопроса об участии их в нелегальной работе отличались недостаточной определенностью и последовательностью. Разумеется, официальный статус военных агентов не позволял им открыто заниматься деятельностью подобного рода. Тем не менее время от времени она становилась для них почти обязательной, — хотя, по-прежнему, негласной.

Согласно инструкции 1905 г. военным агентам предписывалось создание тайной агентуры на случай кризисной ситуации или начала военных действий. В 1909 г. Главное управление Генерального Штаба (ГУГШ) разработало особый проект «Указаний военным агентам по ведению нелегальной разведки», против которого выступили многие агенты, в том числе полковник И. А. Хольмсен (военный атташе в Турции), И. М. Морель (в Японии), Н. М. Потапов (в Черногории), М. К. Марченко (в Австро-Венгрии). Инструкция 1912 г. военным агентам не вменяла подобную деятельность в обязанность, но и не запрещала ее⁵⁷. К июлю 1914 г. ГУГШ разработало новый проект инструкции военным агентам, где от них требовалось тесное согласование разведывательных и контрразведывательных мероприятий, в том числе негласных, с остальными службами Российской империи в стране аккредитации. Однако в связи с началом Первой мировой войны проект утвержден не был⁵⁸.

В канун Первой мировой войны

Перед началом войны режим секретности в Германии был усилен, а это потребовало проведения специальных операций для получения информации о стрелковом оружии немецкой армии. Согласно донесениям военного агента в Берлине для германской армии уже был разработан образец автоматической винтовки. Внедрение такой системы предоставило бы войскам Германии существенные преимущества по сравнению с армиями противников. Однако эти сведения нуждались в проверке. Необходимость получить информацию о

⁵⁶ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 1: От древнейших времен до 1917 года. М., 2003. С. 154–155.

⁵⁷ Алексеев. Военная разведка России... Кн. 2. С. 95, 98–100.

⁵⁸ Сергеев, Улунян. Не подлежит оглашению... С. 38.

вооружении армий стран Тройственного союза была настолько острой, что ГУГШ решило командировать в Германию нескольких артиллерийских офицеров ГАУ в сопровождении офицеров входившего в состав ГУГШ разведывательного отделения. В 1913–1914 гг. в таких секретных командировках принял участие уже упоминавшийся В. Г. Федоров.

В истории отечественного стрелкового оружия Владимир Григорьевич Федоров (1874–1966) пользуется заслуженным авторитетом – конструктор автоматического стрелкового оружия, генерал-лейтенант инженерно-технической службы (1943), Герой Труда (1928), доктор технических наук, профессор (1940). В 1900 г. он закончил Михайловскую артиллерийскую академию. С 1900 г. – член оружейного отдела Артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления. Спроектировал несколько образцов автоматических винтовок. В 1912 г. за работы по созданию автоматического стрелкового оружия получил большую Михайловскую премию. Автор первого в России пособия по проектированию автоматического оружия – «Автоматическое оружие» (1907) ⁵⁹. Его воспоминания как непосредственного участника событий, опубликованные на страницах книги «Оружейное дело на грани двух эпох», содержат ценную информацию, раскрывают особенности и приемы проведения некоторых операций.

О командировке в Германию В. Г. Федоров узнал в декабре 1913 г. всего за несколько часов до отправления (при том, что поездка планировалась сроком до одного месяца) ⁶⁰. Мероприятие проводилось в атмосфере конспирации, Федорова сопровождал офицер-разведчик. Общее прикрытие осуществляла российская контрразведка, в задачу которой входило охранять Федорова и этого офицера от провокаций со стороны германской контрразведки, от попыток их ареста. Прикрытие осуществлялось втайне даже от прикрываемых:

В. Г. Федоров

⁵⁹ Хотя это выходит за хронологические рамки рассматриваемых в статье событий, коротко перечислим некоторые факты последующей биографии В. Г. Федорова. С 1918 по 1931 гг. он – директор и технический директор оружейного завода в Коврове. Одновременно с 1921 г. возглавляет проектно-конструкторское бюро по автоматическому стрелковому оружию. В 1931–1933 гг. – консультант по стандартизации в Ружейно-пулеметном тресте. В 1942–1946 гг. – консультант Наркомата вооружения СССР. Автор фундаментальных трудов: «Основания устройства автоматического оружия» (1931), «Составление рабочих чертежей и технических условий для образцов стрелкового оружия» (1934), «Эволюция стрелкового оружия» и «Оружейное дело на грани двух эпох». (1938–1939). Награжден двумя орденами Ленина, орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды.

⁶⁰ Позднее в практику вошло извещение о сроках секретных командировок.

Федоров узнал о нем совершенно случайно, когда во время одной из командировок сопровождавший его офицер получил предупреждение российской контрразведки, заставившее их в спешном порядке покинуть Германию.

За рубежом В. Г. Федоров занимался исключительно опросом незнакомых ему платных осведомителей – все остальное было возложено на сопровождавшего его офицера. Полученные при опросе сведения дополнялись и сопоставлялись между собой; это позволяло Федорову, учитывая глубокие знания по техническим вопросам в области стрелкового и холодного оружия, составить довольно подробное представление об имевшихся в германской армии нововведениях в этой области. Полученная во время секретных командировок информация нашла отражение в отчетах, которые Федоров предоставил в ГАУ и ГУГШ. Она оказалась весьма разнообразной и касалась автоматических винтовок в германской армии, нового винтовочного патрона образца 1913 г., патронов с бронебойными пулями, патронов для стрельбы по воздушным шарам, ручных гранат, пулеметов и автоматических пистолетов ⁶¹.

Накануне войны отмечается усиление активности разведывательной агентуры, прежде всего германской, и на территории Российской империи. С 1910 г. особое внимание немецких шпионов было приковано к разработкам автоматической винтовки и остроконечной пули. Перед началом Первой мировой войны офицеру Берлинского генерального штаба Пруссии Ф. К. Шифлеру, законспирированному под представителем одного из германских оружейных предприятий, удалось завербовать служившего на Сестрорецком оружейном заводе генерал-майора Дмитриева-Байцурова. Совершив денежную растрату, он занял у Шифлера деньги на ее покрытие, в результате оказался «в денежной от него зависимости» ⁶². Это было крупным достижением германской разведки. Дмитриев-Байцуров представлял одно из трех крупнейших оружейных предприятий России, являющееся базой для производства опытных образцов стрелкового оружия, в том числе и автоматического.

Итак, расширение поля засекречивания неизбежно вело к активизации усилий получить скрываемую информацию. Вполне естественно, что внимание спецслужб распределялось весьма неравномерно, концентрируясь на вооружении армий государств, рассматривавшихся в качестве потенциального противника. Совместные усилия в этом направлении – действия как военного ведомства, так и российской разведки – в целом были достаточно эффективными, в результате Россия неплохо была осведомлена о вооружении, например Германии. Положение в союзных армиях оказывалось вне поля зрения российских спецслужб. В некоторых случаях это приводило к возникновению парадоксальных ситуаций – к противоестественному перекосу в информационной обеспеченности международных научно-технических контактов в оружейной промышленности. Именно такое положение сложилось в России с информацией о вооружении Франции. В. Г. Федоров в одном из отчетов отмечал, что получение соответствующих сведений от французской армии (армии союзной), казалось бы, не должно было встречать затруднений, но на практике из Франции поступало значительно меньше сведений, чем из Германии. Полагая важным иметь сведения о достижениях в области стрелкового ору-

⁶¹ Федоров. Оружейное дело... Ч. 1. С. 183–195.

⁶² Зверев В. О. Противодействие германскому военно-промышленному шпионажу в Санкт-Петербурге накануне Первой мировой войны (1910–1914 гг.). Дисс... канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 99, 191.

жия не только из Германии, но и других стран, он предложил обратиться через российского военного агента в Париже к французскому военному министерству с предложением о налаживании в этой области регулярного научно-технического обмена: российская сторона брала на себя обязательство ознакомить командированных в Россию французских офицеров со всеми усовершенствованиями в российском армейском стрелковом оружии по заранее составленной программе, французская – предоставляла аналогичные сведения командированным во Францию русским офицерам. Данная инициатива означала выход научно-технических обменов в этой области на новый уровень и была одобрена оружейным отделом Артиллерийского комитета, но начало Первой мировой войны не позволило ее реализовать⁶³.

Как видим, дружественный характер дипломатических отношений с той или иной страной, в принципе, содействовал повышению уровня международных научно-технических связей и обменов в области стрелкового оружия, на практике же это обстоятельство заметной роли не играло. В целом внешнеполитический фактор не оказывал существенного влияния на качество обмена информацией в данной сфере.

Плюсы и минусы засекречивания в контексте динамики модернизации

У засекречивания были сторонники, были и скептики, не верившие в его эффективность. Прислушаемся к мнению весьма квалифицированного и авторитетного в ту эпоху специалиста, профессора (с 1881 г. – заслуженного профессора) Михайловской артиллерийской академии В. Л. Чебышева (1832–1905), долгие годы вместе с В. Н. Бестужевым-Рюминым редактировавшего «Оружейный сборник». Еще на заре своей карьеры, в 1856 г. он был прикомандирован к Комитету об улучшении штуцеров и ружей, впоследствии он состоял членом многих комиссий и комитетов при Артиллерийском управлении для решения технических и организационных вопросов. Он ориентировался в материале блестяще – уже это делает его наблюдения и оценки заслуживающими внимания. Вот три мотива, которые, по мнению В. Л. Чебышева, побуждали многие государства к засекречиванию военно-технической информации: стремление получить прибыль, добиться превосходства и скрыть недостатки собственного вооружения⁶⁴.

При всей, казалось бы, очевидности пользы засекречивания далеко не все российские специалисты были уверены в целесообразности не только его расширения на новые образцы армейского вооружения, но и вообще его использования. В этом отношении характерно относящееся к 1882 г. следующее высказывание того же Чебышева, помещенное на страницах авторитетного в среде специалистов «Оружейного сборника»:

Что касается до соблюдения тайны при изучении и введении новых образцов оружия, то французы еще во время войны их с австрийцами в 1859 г. должны были окончательно убедиться, *не только в бесполезности, но и в безусловном вреде* (курсив наш. – И. Ю., И. П.), от того проистекающем⁶⁵.

⁶³ Федоров. Оружейное дело... Ч. 1. С.197.

⁶⁴ Чебышев. Тайна нового прусского оружия... С. 57.

⁶⁵ Чебышев. Главнейшие вопросы по оружейной части... С. 41–43.

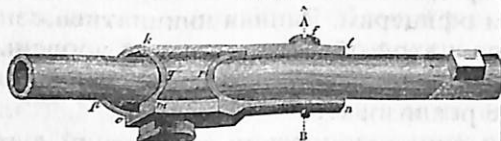
54

оружейный сборник. — 1874. — № 1.

- 5) Глубина нарезов 1,16 тоечн.
 6) Калибр ствола по полям 4,34
 — — по нарезам 4,57

Таким образом мы видим, что ни в форте нарезов ни в их глубинах и крутизне новое прусское ружье ничего оригинального не представляет.

Фиг. 1.

Поняв, на доставленном нам образце, мы видим только в способ скрепления надульника (составляющего вместе с титом и верхнее ложевое козыло) со стволом и заключающегося в том, что в стволу принашивается ушко

abcd, фиг. 2, через которое и через отверстие сдвигное в надульнике klmnopqr, фиг. 1, пропускается шитье f. Таким образом надульник со стволом скрепляются между собою крепко и пензильно.

Такое скрепление, по первому взгляду по крайней мере, заслуживает одобрения, так как кому пензильно, что надульник, при скорострельном оружии, то и далеко отдален от ложи, расклевывая вместе с титом сие цыне.

Вследствие этого, надежное закрывание надульника на определенном месте стало составлять предмет особых забот с того момента, как появилось оружие заряжающееся

ТАЙНА НОВОГО ПРУССКОГО ОРУЖИЯ.

55

сзади и по видному пруссакам удалось разрешить эту задачу весьма удовлетворительно.

Судя по тому же образцу ствола, можно заключать, что пруссаки закрепили трехгранный штырь — атаганом.

В этом отношении они, по нашему мнению, едва ли не сделали ошибку и действительно: родовой недостаток атаганов заключается в том, что они очень тяжелы.

Нить их прикрутывали, стрелять нитью, на больших расстояниях, положительно невозможно; вследствие чего нить и прикрутывали обыкновенно лишь при приближении неприятеля на такое расстояние, на котором нитью стрелять нить нарезного ружья была бы столь велика, что преднее влияние на нее атагана становилось не ощутительным.

Такое предельное расстояние вообще не очень велико и наибольший его ли не должно считать в 400 шагов. Ученная же стрельба начинается с расстояния до 600 шагов. С этого момента каждая секунда замедления в стрельбе становится уже ощутительной потерей, а чтобы вынуть атаган из ножен и присоединить его под неприятельскими выстрелами потребовалось, по крайней мере, несколько времени, а значит, самого дорогого времени, так как неприятель находится на расстоянии 400 шагов, которые он может свободно пройти в 1/2 минуты — даже не больше.

И так, если и прежде считалось очень выгодным иметь штырь постоянно прикрученным, то теперь при скорострельном оружии, это безусловно необходимо; к чему атаган вовсе не пригоден. Вот почему мы считаем, что заплата из прежнего штыря теперь совершенно несвоевременна.

Из всего, что мы сказали теперь о принятом пруссаками новом ружье, выходит: что оно ни в каком отношении не может выходить из ряда большинства систем.

Страница опубликованной в № 1 «Оружейного сборника» за 1874 г. статьи В. Л. Чебышева «Тайна нового прусского ружья мало-помалу разоблачается» с рисунками, описанием и оценкой засекреченной конструкции

В чем же проявлялись негативные последствия введения режима секретности? Одно из них — что новое оружие в ряде случаев практически не было известно в собственной армии. Во Франции практики засекречивания новых образцов вооружения продолжали придерживаться и после войны 1859 г. Однако боевые действия в 1870–1871 гг. лишь подтвердили негативные эффекты, связанные с секретностью. По словам Чебышева, в ходе франко-прусской войны с полной очевидностью подтвердилось, что «государство, решающее ввести у себя какое-нибудь новое оружие и делающее из него тайну от своих же собственных войск, рискует весьма многим». Сохранение в тайне новых изобретений, полагал Чебышев, препятствует «свободному и быстрому обмену идей, столь необходимому для прогресса»⁶⁶.

Недостаточная известность нового оружия в собственной армии и связанных с ней промышленных кругах имела, как указывал Чебышев, отрицательные последствия. Во-первых, от совершенствования секретной системы отсекался широкий круг изобретателей-оружейников. Во-вторых, оказывалось, что новая система не могла пройти широкие испытания в войсках и на «народных стрельбищах», отсутствие же опыта массового применения оружия не по-

⁶⁶ Там же. С. 40.

звляло выявить его недостатки ⁶⁷. В третьих, стремление сохранить в тайне усовершенствования в области стрелкового оружия приводило к ослаблению международных научно-технических связей, по крайней мере, их легальных форм. «Таинственность, встречаемая не только в Пруссии, но и во многих других государствах, почти во всем, что касается военного дела», произвела на В. Л. Чебышева крайне тяжелое впечатление. В зарубежных командировках она создавала множество проволочек для военного специалиста, в нем слишком часто «видят шпиона, старающегося выведать тайны». Печальный собственный опыт пропитан горечью воспоминаний о былых командировках:

Вас посылают на 3 месяца ознакомиться в различных государствах с известною специальностью, но так как прежде чем добьетесь посмотреть что-нибудь, должно пройти недели три, то, следовательно, в 3 месяца более как в 3 государствах побывать нельзя; и из них еще по крайней мере в двух скажут, что то, что вас интересуется, не может быть вам показано ⁶⁸.

* * *

Итак, мы видим, что режим секретности не был достаточно эффективным средством ограничения распространения новейших достижений в области военной техники. Вместе с тем на практике засекречивание нередко влекло за собой еще и негативные последствия. Одностороннее ограничение международных связей вело к замедлению технического развития вооружения в конкретном государстве.

Но экономические интересы во многих случаях успешно возобладали над политическими. Стремление к прибыли отдельных изобретателей и экономических объединений стимулировало информационный научно-технический обмен в области вооружений даже между странами, считавшимися потенциальными противниками. Ни режим секретности, ни военное противостояние не являлись непреодолимыми преградами для контактов в области военной техники — они влияли только на их интенсивность и определяли соотношение легальных и нелегальных форм информационных обменов.

⁶⁷ Чебышев. Тайна нового прусского оружия... С. 57.

⁶⁸ Там же. С. 58–59.